

КРОКОДИЛ

№ 34 ДЕКАБРЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

МОСКВА 1934

— Что это вы, братцы, делаете?
— Дорогу от снега чистим. А то, гляди, снегоочиститель опять застрянет.

Рис. А. Топкиова

НЕДЕЛИКАТНЫЕ ВОПРОСЫ

„Ты не спрашивай,
Не выпытывай...“
(Романс)

Возвратившись из Парижа, купеческие сынки долго мылись в бане и валялись в ногах у сурового папаша по причине перетрат и облезлого вида. Потом, получив несколько раз по морде и на карманные расходы, они шли в кабаки и пели нестройными голосами популярную песенку, проникнутую робким оптимизмом:

На бульваре Монпарнас
Обнадеживали нас:
Если сядешь на мели,
Телеграмму папе шли!

Очевидно, на буржуазном бульваре Монпарнас действительно знали что-то приятное. И знали папу, который сразу может снять с мели. И мы очень не хотели бы срывать с бульвара Монпарнас славы самой утешительной территории в мире.

Но ничего не поделаешь. Обстоятельства несколько изменились: На веселом и солидном бульваре Монпарнас, особенно в доме № 164, где помещается редакция журнала «Ле Марж», повеяло таким тихим пессимизмом, что ни о какой телеграмме, ни о каком папе даже заговаривать не приходится. Единственно, о чем еще можно поговорить, это о мели, солидной, объемистой, в которой уже начали увязать волосатые ноги вдумчивых философов и социологов нашего времени из дома № 164.

Говоря так грустно о некоторых обитателях бульвара Монпарнас, мы не хотим быть голословными или причинить им личную неприятность, а тем более полемизировать с ними. В наших руках один чрезвычайно любопытный документ, разосланный редакцией «Ле Марж» европейским буржуазным писателям в порядке анкеты. Мы совершили бы большую политическую ошибку, если бы попытались сократить хоть одну строчку из этого трогательного манускрипта. Поэтому приводим его во всей его подкупающей полноте:

„ЛЕ МАРЖ“

164, бульв. Монпарнас.
Париж (140) 1934 г.

ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ?

Милостивый государь!

Каждый из нас чувствует, что мы стоим накануне великих событий. Ощущается общее беспокойство.

Ведь дело не только в одном правительственном кризисе: все наше общество разлагается и готово обрушиться.

Подготовимся же к революции лучше, чем мы были подготовлены к войне. Революция не должна захватить нас врасплох. Предвидя и представляя ее себе, мы должны знать, что будем делать, когда она разразится.

Представится несколько возможностей:

1. Бежать?.. (Но границы будут закрыты, и на дорогах появится охрана).
2. Перейти в распоряжение революционного правительства, попытаться сесть в засаду? Но возможно, что революция будет располагать надежными людьми и не будет нуждаться в нас.
3. Допустить реквизицию своей особы и согласиться на применение ее, которое будет Вам указано, но... (но любите ли Вы пользоваться метлой и чистить картошку)?
4. Продолжать свою деятельность писателя? (Но журналы и издательства, оставшиеся целыми, будут принадлежать государству, и вам придется писать по приказу и принуждению).

Мы рассмотрели лишь эти несколько возможностей, но будет еще много других.

Позвольте же нам, милостивый государь и дорогой коллега, задать Вам следующий вопрос:

ЧТО ВЫ БУДЕТЕ ДЕЛАТЬ ВО ВРЕМЯ РЕВОЛЮЦИИ?

Мы напечатаем ваш ответ, который просим адресовать нам: 164, б. Монпарнас, в наш ноябрьский номер.

Примите вместе с нашей благодарностью выражение наших лучших пожеланий.

Мы ясно и образно представляем себе затруднительное положение буржуазного писателя, получившего такую анкету. Попробуй, ответь!

И действительно. Бежать? Но бежать, как это говорится, на время не стоит труда, а вечно бежать невозможно... Чистить картошку, буде это понадобится для революционных целей, рискованно. Во-первых, могут не доверять, так как картошку тоже легко украсть. А во-вторых, за ненадобностью автора при новом порядке вещей, могут оставить чистить картошку навсегда. Сесть в засаду? Невыгодно... Ибо еще неизвестно, каким гонораром и почестями будет оплачиваться сидение в засаде и сколь это выгодно отзовется на физическом и финансовом благосостоянии мастера пера, сидящего, как заяц в кустах?

Чертовски неприятное положение. И довольно препротивная анкета. Куда хуже доброй, нормальной буржуазной анкеты «Как вы смотрите на джаз?» или «Что вы думаете о будущем коротких юбок?»

Сочувствуем. Но ничем помочь не можем. Ведь это не из большевистского гнезда вылетели, хлопая красными крыльями, столь неприятные вопросы. Это из солидного буржуазного дома № 164 на бульваре Монпарнас.

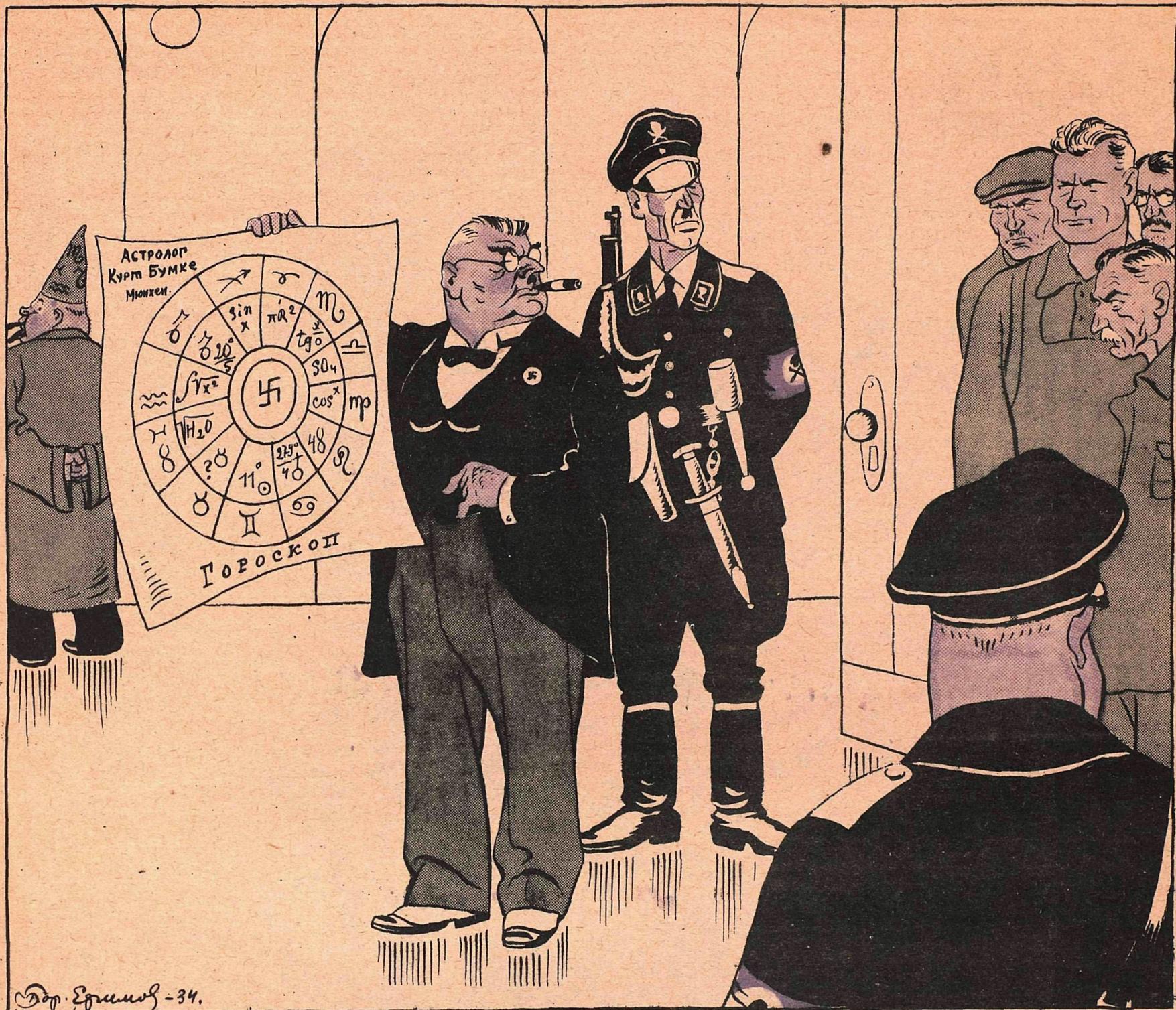
И не наша вина, что бульвар Монпарнас так безнадежно скисовал. И даже не указывает писателям адреса папы, которому можно было бы в случае чего послать телеграмму. Папа, может, сам примеряет на предмет экстренного выезда, сколько в каблук втискивается ассигнаций, а в нос — бриллиантов. Папе самому не весело.

И буржуазным писателям после анкеты «Ле Марж» даже не остается слабого утешения, как бывшим российским купчикам, пойти в кабачок и нестройными голосами пропеть:

На бульваре Монпарнас
Обнадеживали нас.

Не обнадеживает бульвар Монпарнас. Абсолютно!

ФАБРИКАНТ:— Должен вам сообщить, что согласно этому гороскопу, где отчетливо видно влияние планеты Сатурн на созвездие Наяд, жалованье всем рабочим будет с сегодняшнего дня снижено на 15 процентов...

ДОСАДНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Шел первый снег. Мокрые хлопья исправно ложились на пути. Вскоре все побелело вокруг — крыши вагонов, деревья, борода стрелочника Никиты.

Начальник станции Погибни Хламов смотрел из окна кабинета на пришествие зимы, и саркастическая усмешка блуждала на его устах. Усмешка эта обозначала, что усердием самого начальника Хламова станция Погибни полностью подготовлена к зиме. Усмешка эта как бы говорила: «На-ко, выкуси».

И в самом деле:

а) все жены железнодорожников еще в августе получили повестки, в которых указывалось, что они «мобилизованы на снегоборьбу, при чем не-явка будет рассматриваться как подрыв, срыв и неверие»;

б) в течение осени начальнику Хламову удалось провести 77 малых заседаний и 10 пленарных, посвященных встрече зимы;

в) пионеры с появлением первого снега обошли все дома железнодорожников, возглавляя: «Зима идет»;

г) был послан рапорт начальству.

Словом, шел снег, но Хламов плавать хотел на снег. В голове его бродили радужные мысли о том,

что близок час, когда начальство заметит его усердие и поощрения ради переведет на работу в центр, в Тетюши, в управление отделения. Сладостные мечты были прерваны появлением проф-орга.

— Пал Палыч, — сказал профорг, — надо бы людей выводить на снегоборьбу. Пора провертывать директиву.

— Валяй, Мишкин, — ответил начальник, — провертывай.

В этот же день зазвучал тощий оркестр духовой музыки. Со стороны поселка показалось все на-личное взрослое население станции Погибни. Впе-реди колонны выступал профорг Мишкин. Трудя-щиеся несли над головами знамя с надписью: «Вырвем победу из хищных лап безумной сти-хии».

На платформе энтузиасты снегоборьбы выстро-ились в шеренгу.

— Эй, давай сюда лопаты, — вскричал профорг Мишкин.

От группы администрации, стоявшей под стан-ционным колоколом, отделился заведующий скла-дом Плутягин и, подбежав к Мишкину, что-то шепнул ему на ухо.

— Брешешь ты! — воскликнул Мишкин.

— Ей богу, верно, — подтвердил Плутягин.

— Языком, что ли, я буду его слизывать?

— Право, не могу знать.

— Фу ты, чорт, какая плешь получилась, — сказал Мишкин. — Разойдись, — воскликнул он, обращаясь к шеренге трудящихся. — Снегоборь-ба нынче не состоится.

— Это почему же? — спросили трудящиеся.

— Почему, почему, — передразнил Мишкин, — не приставайте к профсоюзу. Недоразумение по-лучилось. Ванька, сворачивай знамя, неси в крас-ный уголок. Оркестр и все прочие, — по домам!

Профорг Мишкин, явившись в кабинет к на-чальнику Хламову, сказал, заикаясь от волнения:

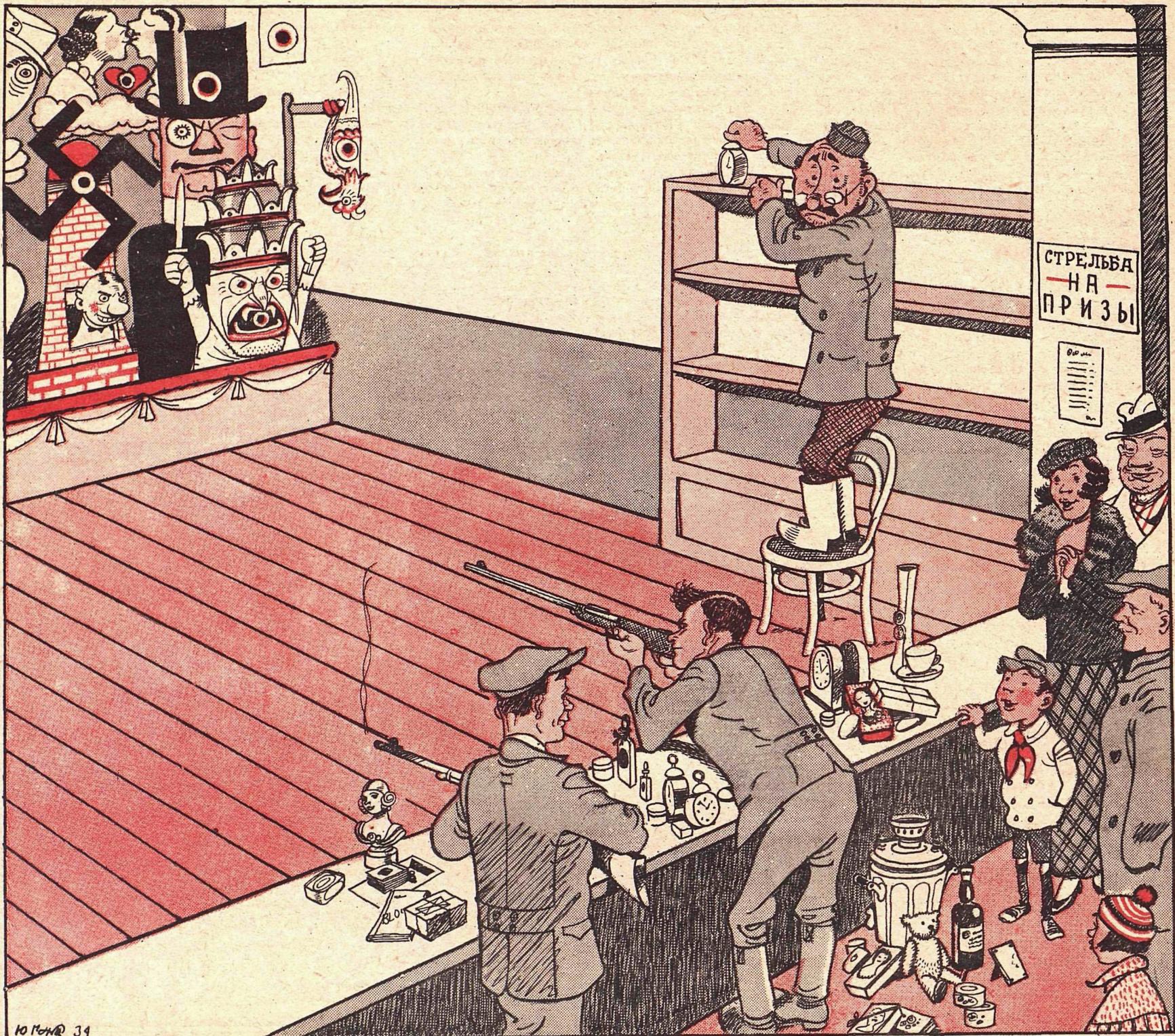
— Пал Палыч, недоразумение получилось. Ло-пат-то у нас на станции, оказывается, нету. Все сделали: плакат нарисовали, повестки разослали, пионеров мобилизовали, заседания провели, а про лопаты забыли.

Начальник Хламов схватился за сердце и в из-неможении упал на стул.

— Какое досадное происшествие! — пробормо-тал он.

... Снег шел крупными хлопьями. Паровозы пе-режались сильными, отсыревшими голосами.

Рис. Ю. Ганфа

ЗАВЕДУЮЩИЙ ТИРОМ: — Не успел тира открыть, а все призы отдать пришлось... Товарищ ворошиловский стрелок! Пожалейте старика: эти призы по плану на три месяца рассчитаны!

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Четыре года художник Аортов и поэт Няядкин жили вместе. У них были общие надежды и валенки. Они работали под одной вывинченной на лестнице лампочкой и хворали одним и тем же гриппом.

Оба были уверены, что если на кого-нибудь из них наехал бы грузовик, то из-под колес вытащили бы и другого.

Спорили они только в случае взаимных уступок.

— Возьми и покройся, — предлагал Аортов, перекидывая единственное в хозяйстве байковое одеяло Няядкину, — ты — поэт, тебе нужно тепло. Овидий Назон писал стихи только у костра и под солнцем.

— Возьми ты, — не соглашался Няядкин, — ты — художник, а изобразительное искусство не любит лишений. Микель Анджело, может, целую жизнь провел под байковым одеялом. Возьми.

Кончилось тем, что одеяло оставалось на полу, и на нем засыпал любимый обоими рыжий кот, носивший несколько странное имя: Катакомба.

Казалось бы, что нет еще в мире такой исследованной и научно не опровергнутой силы, которая бы могла раз'единить Аортова и Няядкина.

Но однажды в четверг, после девяти вечера, в жизнь вошла женщина. Вошла, даже не постучавшись, привлеченная заунывным криком некормленного кота Катакомбы, взяла его подмышку, невразумительно, но строго заметив:

— Кот — не корова. Он маленький. Его кормить надо.

Когда за нею закрылась дверь, Аортов изумленно заметил:

— Она взяла нашего кота.

— И унесла, — добавил Няядкин.

— Это нахальство. И кажется, у нее замечательные голубые глаза.

— Типичная наглость. Мне больше понравились волосы.

Минут через двадцать Аортов почему-то вздохнул, оставил мольберт и сказал, виновато опустив глаза:

— Пойду посмотрю, что она делает с несчастным Катакомбой. Может, она его мучает.

— Пойдем вместе, — несколько подозрительно и суховато заметил Няядкин. — Действительно, нельзя оставлять беззащитное животное в руках чужой женщины. Один ты его не спасешь.

В коридоре они сразу смогли убедиться, что коту большой опасности не угрожало. Он лакал молоко из большого блюда с яростью куплетиста, приглашенного на банкет. Около него стояла маленькая блондинка с голубыми глазами.

Как более решительный, Аортов сразу ринулся в разговор. Он почесал за ухом и деловито заметил, показав пальцем на Катакомбу:

— Кот.

— Что вы говорите? — ехидно отозвалась блондинка. — А я думала, по крайней мере, мамонт. А почему вы его не кормите?

— Не знаю, — смутился Аортов и вдруг неожиданно выпалил. — Это не я его не кормлю, а он.

— Кто? — возмущенно спросил Няядкин. — Я? А кто ему за молоком ходит?.. Я хожу, а он жрет молоко...

Продолжение на 5-й стр.

— Кот? — вмешалась соседка.
 — Не кот, а вот он, Аортов.
 — И ты смеешь говорить это в глаза...
 — И скажу! А кто третьего дня снял для кота колбасу из чужой мышеловки в коридоре? Я! А кто ее съел? Ты...
 — Странные вы молодые люди, — задумчиво сказала блондинка, — во всяком случае, познакомились. Меня зовут Анютой. И я теперь живу у вашей соседки. И кота вашего кормить буду я.
 Аортов и Найдкин сумрачные вошли к себе в комнату. А когда ложились спать, Найдкин уже нехотя и брезгливо протянул байковое одеяло:
 — Покройся. Я могу и померзнуть.
 И Аортов ответил тихо, но внятно:
 — Иди к чорту! Подавись своим байковым ничтожеством!
 И Катакомба в эту ночь спал на общем непромокаемом пальто.

II

Впервые за четыре года в комнате, населенной Аортовым, Найдкиным и котом Катакомбой, варяли недоброжелательство и подозрительность. Аортов сидел в углу и мрачно рисовал эскизы зеленых девушек, подозрительно похожих на Анюту. А Найдкин вместо обычного подбадривания теперь язвительно говорил, поглядывая на полотно:

— Твоя девушка напоминает прачку, которую вывели за буйство из кинематографа. Попробуй, нарисуй ее розовой и наклей на нее бумажку. Так она будет по крайней мере походить на ситро. Это красивее.

Аортов, когда-то замечавший буйный рост в стихах Найдкина, теперь иронически замечал, просматривая его рукописи:

— У тебя в стихах у всех голубые глаза и светлые волосы. Это, конечно, эффектно, но если будешь писать о лошади, не забудь хоть ее сделать пегой и сероглазой.

Кота выносили кормить по очереди. Кто первый проснется. Сидели с ним в коридоре и терпеливо ждали, когда выйдет Анюта.

Аортов закурал пестрые галстуки, напоминающие раскраской сон пьяного маляра. Найдкин надел мучительные воротнички и, просыпаясь ночью, брился. А по вечерам ходил встречать Анюту у вуза.

И все-таки это был неравный бой. Анюта почему-то определенно предпочитала Найдкина. Частично Аортов раскрыл эту тайну, случайно услышав тихий разговор в коридоре:

— Всю ночь не спал, — жаловался Найдкин.
 — Аортов не дал? — сочувственно спрашивала Анюта.

— Аортов. Храпел. А храпеть перестанет, бредит.

— Бредит?
 — Баранной бредит. Обожрался, наверное. И редькой от него пахнет. Точно огород лежит на постели, а не человек.

— Бедненький, — еще сочувственнее прошептала Анюта, и сочный звук поцелуя шлепнулся в Аортовское ухо.

В тот же вечер слегка осунувшийся и мрачный Аортов быстро собрал свои вещи и сказал Найдкину:

— Ухожу. Живи ты.
 — И буду, — безучастно согласился Найдкин.
 — Но помни, — угрожающе добавил Аортов, — я буду мстить за разбитую жизнь.

— Мсти за разбитую.
 — Ты узнаешь, что такое месть работника кисти, Найдкин!

— Узнаю. Кстати, твои подтяжки у меня под кроватью. Не забудь.

Аортов ушел. Навсегда. А на другой день Найдкин заискивающе предложил Анюте:

— Может, у меня теперь кота кормить будете? Анюта немного подумала и ответила:
 — Хорошо. Сходите вниз за молоком, а я перенесу свои вещи.

И в комнате, где только что умерла одна жизнь, зацвела другая.

III

И вот прошло шесть лет. Найдкин уже печатал большие поэмы об эскалаторах и дискуссионные статьи о будущем джаза. Ему уже заказывали стихотворные лозунги во всех отделах Наркомлеса, а на съезде писателей кто-то даже опрометчиво принял его за покойного Державина и просил дать автограф.

Однажды, с пятилетним сыном Костей на руках, Найдкин сказал Анюте:

— Как хорошо, что мы живем на тихой улице... И какой чудесный вид из окна! Как прекрасен этот кирпичный забор, овеянный последними красками заката!..

— Действительно, недурной заборчик, — согласилась Анюта и вдруг с глухим стоном опустилась на стул. — Убери ребенка!

На заборе буйным водопадом красок зияли два свеженаклеенных плаката. На одном из них — фиолетовая корова, похожая на усеченную пирамиду, глядя за пишущей машинкой, скакавшей по синему полю. На другом — две автомобильных шины, наделенные пятью руками, катились к одинокой трубе на горизонте.

— Это плакаты Аортова, — дрогнувшим голосом произнес Найдкин. — Этот мерзавец перешел теперь на аграрную и индустриальную тематику. Надо забить ставни.

Стали жить в полутьме. Солнце проходило только сквозь узкую скважину. Но и через нее пыльный глаз маленького Кости увидел плакаты. Три дня мальчик молчал и не отвечал на ласки матери.

— Я боюсь женщин, — задумчиво сказал он. — Они похожи на шины. С ручками.

— Кто тебе сказал, Костя?
 — Так нарисовано. А коровы хорошие. Они снизу широкие, а сверху узкие. И без рогов. Купи мне корову. Я буду на ней спать.

Анюта беззвучно плакала.
 — У нас сын растет идиотом, — жаловалась она мужу, — развивай его. Купи ему книжечку.

— Хорошо, — мрачно согласился Найдкин и принес Косте детских книжечек.

Мальчик около двух декад читал, не отрываясь. Потом однажды он сказал отцу:

— Папа, купи мне зайчика.
 — Какого зайчика?
 — Обыкновенного. С колесами и с хоботом.
 — Таких зайцев не бывает. У зайцев колес нет.
 — Так нарисовано, — вздохнул Костя.

Найдкин взял у сына книжки. В одной из них действительно грозно маячил заяц, похожий на слона, переделанного из велосипеда. В другой — море напоминало бычков в томате с воткнутым посредине штопором. На штопоре были паруса и матросские трапы. В третьей книжке четыре медведя пили чай под загадочной надписью: «Маня поцеловала тетю».

Найдкин посмотрел на титульный лист. Там стояло коротко и злое:

«Иллюстрации худ. Аортова».
 Костя сидел в углу и рисовал на тетрадке акулу с тремя копытами.

— Наш мальчик гибнет, — простонал Найдкин. — Надо его спасти. Я увезу его на юг. Издам свою поэму, достану денег — и на юг...

Через месяц он вернулся с пробным экземпляром поэмы и упал на кровать.

— Что с тобой? — испуганно спросила Анюта. — Может быть, тебя переехали? Не скрывай!

— Хуже, — схватился за голову Найдкин. — Смотри!

Анюта с тревогой посмотрела на пахнущий краской экземпляр.

— А почему эскимос на обложке? Ты же писал о девушке из провинции?

— Он и есть девушка.
 — Кто делал обложку?

— Аортов, — прохрипел Найдкин. — Он, он... Бежим из города... Купи себе что-нибудь летнее и бежим...

— Я заказала себе летнее платье...
 — Возьми его.

Через час Анюта пришла в новом платье. Это было что-то нежно-зеленое с разбросанными по нему желтыми домнами и голубыми нефтяными вышками.

— Материя последнего выпуска, — виновато сказала она. — Массовое производство. По специальному рисунку.

— Знаю, — горько улыбнулся Найдкин. — Рисунки Аортова для ситценабивной промышленности.

И он зарыдал и стал биться головой о репродуктор.

В этот вечер в дверь Найдкинской квартиры раздавался тихий стук.

— Войдите.
 Костя сидел на полу и рисовал с дефективным смехом горы, похожие на рюмки. Со стены смотрела обложка поэмы с девушкой, похожей на эскимоса. А около забитых ставней изваянием высилась Анюта, украшенная зелеными домнами.

Вошел Аортов.
 Он самодовольно осмотрел погибающую семью и злым шопотом сказал:

— Я отомстил, Найдкин. Теперь ты понял силу изобразительного искусства?

— Ты отомстил, Аортов, — глухо уронил Найдкин. — Возьми все обратно. Мне не нужна жена в голубых нефтефонтанах. Мне не нужен сын, рисующий рогатых поросят. Мне не нужна комната с забитыми ставнями. И моя героиня, похожая на эскимоса. Будь проклята!

— Буду, — согласился Аортов. — Не забудь свои подтяжки. Они лежат под кроватью.

Найдкин вышел из комнаты неслышными шагами. А через полчаса он вернулся с каким-то узлом и сунул его Аортову.

— Тут кот Катакомба. Возьми и его. Покажи ему свой макет какой-нибудь театральной декорации, и он будет бросаться на людей. Заменит хозяйство бульдога. Прощай.

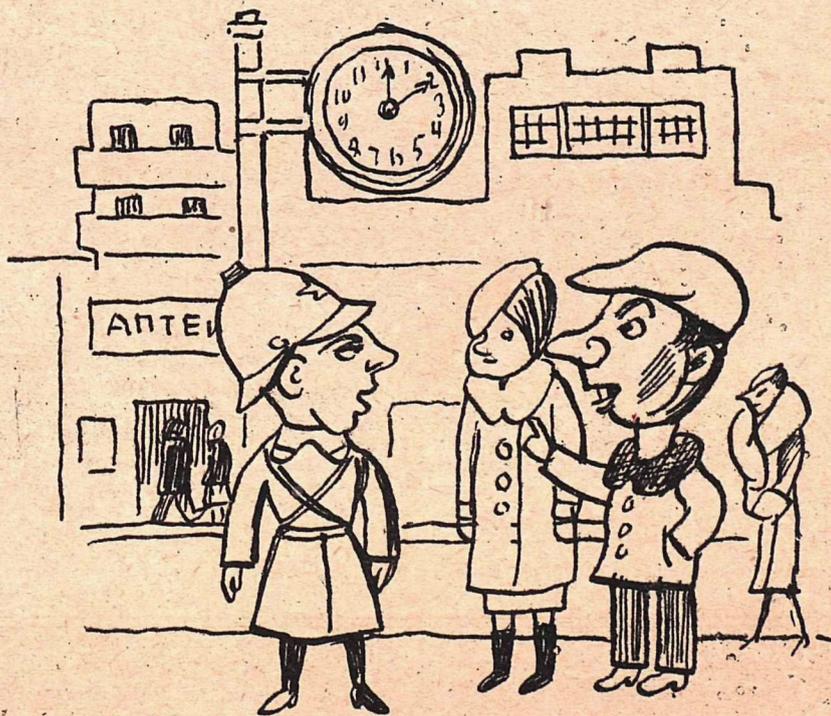
И он ушел навсегда.

Аортов засмеялся торжествующим смехом.

АРК. БУХОВ

ПОДОЗРИТЕЛЬНАЯ ТОЧНОСТЬ

Рис. А. Радакова

— Скажите, пожалуйста, точное время на этих часах?
 — Абсолютно точное. Как в аптеке!
 — Странно... Только что был в аптеке. Там — полчаса третьего.

ТРИ ПЛАКАТА

В целях освещения избирательной техники за границей редакция Искродила предлагает вниманию читателей три плаката о кандидатах в соответствующих странах. Не ручаясь за точность фамилий кандидатов, а также за хронологические данные и названия местностей, редакция гарантирует точность стиля и политического характера всех трех нижеприводимых документов.

АЛЛО, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!

Все выбирайте сегодня Джима Стукера.

Только дурак не подаст свой голос за Джима.

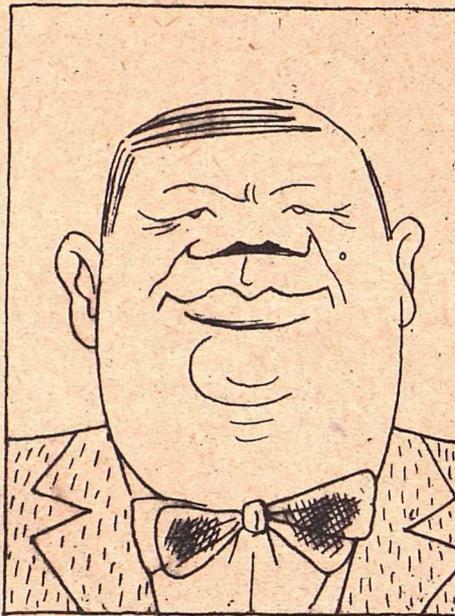
На сегодняшний день Джим стоит 1.500.000 долларов, не считая кирпичного склада и сыроварни.

Джим — стопроцентный американец. Его дед первый открыл игорный дом для индейских племен, принявших христианство, а бабушка торговала коньяком около первой часовни на золотых приисках Флориды.

Отец Джима — известный Чарльз Стукер — начал свою карьеру простым менялой, изобрел мазь от лошадиной перхоти и умер содержателем бани и сенатором. Джим — его младший сын!

Еще юношей Джим первый ввел у себя в городе личевание негров, а также немного спустя возглавил борьбу против теории Дарвина и женского избирательного права.

Как муж и отец Джим скупал акции городского водопровода и открыл склад подтяжек. Как

христианин он с помощью друзей устранил своих главных конкурентов и принял их похороны на свой счет. Как коммерсант он всегда стоял за евангельскую церковь и брал не больше тридцати двух процентов за ссуды в годы неурожая.

Посмотрите на портрет Джима, на его открытое лицо, и вы поймете, что голосовать против него нельзя.

Программа старины Джима ясна и понятна каждому избирателю:

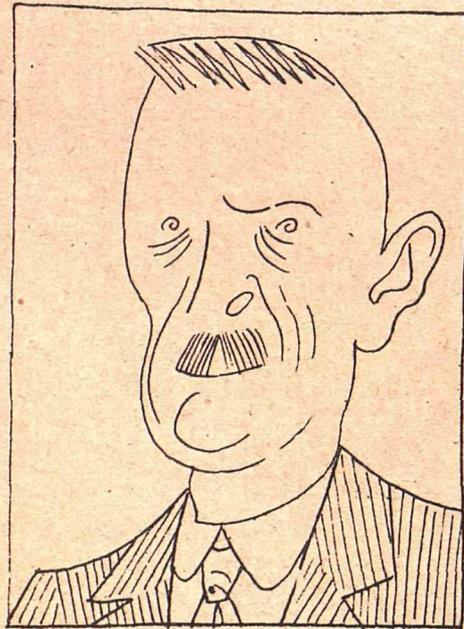
— Вдорожание городских участков летом, виски в будни и обедня в воскресенье!

Алло, избиратель! Если ты не хочешь, чтобы негры лезли в твой трамвай, если тебе не хочется, чтобы безработные покушались на твой банковский вклад и чтобы ты мог спокойно послушать новый джаз и куплеты в храме Св. Екатерины, голосуй за Джима Стукера.

Алло, джентльмены! Отдайте ваши голоса Джиму!

ЛЕДИ И ДЖЕНТЛЬМЕНЫ!

Еще в четырнадцатом веке король Бонимот IX пожаловал рыцаря Пинтберри правом подавать его величеству в воскресные дни чулки и холодную баранину.

С этого времени род Пинтберри был лучшим представителем английской аристократии.

В XVII веке барон Пинтберри был награжден орденом Голубой Подвязки и поместьем за повешенье двухсот рыбаков, не выполнивших санитарных мер во время чумной эпидемии.

Несколько позже, в XIX веке, баронет Д. Д. Пинтберри получил звание адмирала за освобождение острова Тита-Мути от мужского населения.

Лорд Роберт Пинтберри последний отпрыск славной фамилии, является в настоящее время лидером консерваторов в нашем районе, лучшим теннисистом, видным коллекционером дожде-

вых червей, а также любителем-волторнистом.

Его перу принадлежит популярно-научный труд: «Ликеры и джентльмены в античную эпоху».

Лорд Пинтберри поддержал честь старой Англии на международном состязании в г. Вальпарайзо в 1904 году между курильщиками сигар на дымовые кольца и продолжительность затяжки. В мировую войну лорд Пинтберри был начальником лазарета для аристократических юношей, не взятых в армию, и проявил себя честным солдатом и незаменимым устроителем гольфа.

В последние годы лорд Пинтберри был директором завода броневых плит, делегатом конференции по морским разоружениям и почетным наблюдателем за псовой охотой его высочества наследного принца.

По религии лорд Пинтберри — пуританин и как акционер ведет в газете «Морнинг пост» отдел «Бабочки и цветы», частичная консультация в отделе конского спорта!

Леди и джентльмены! Местный комитет партии консерваторов предлагает вам голосовать за лорда Пинтберри!

Да здравствует дорогая старая Англия!

АРИЕЦ!

Помни, что твой предок попирает мощной ногой Рим, Тигр и Ефрат, Арарат, Содом и Гоморру, а также Вавилон и его окрестности.

Знаешь ли ты теперь, что надо попирать твоему потомку? Почти весь глобус.

Кто же поведет тебя к светлому будущему, ариец?

Только один доктор коммерческих наук Вильгельм фон-Кляпс, 42-х лет, женатый на освидетельствованной арийке, представитель берлинской фирмы галстуков «Гинц, Мунц и Ко», лучший фашист нашего города.

Если ты не хочешь, чтобы к тебе в город ворвались коммунисты, женили тебя на не арийке, сделали тебя брюнетом, а твоих детей — читателями Гейне, голосуй за фон-Кляпса.

В дни возрождения Третьей империи Вильгельм фон-Кляпс первый принял добровольное участие в обысках у соседей, первый надел наш значок на нательную фуфайку и сжег у себя в прихожей портрет своего компаньона — еврея.

Вильгельм фон-Кляпс — главный редактор нашего местного органа «Крейцер-Мейцеквач», и своими стараниями по коммунальному хозяйству первый добился запрещения не арийцам пользоваться общественными уборными.

Смотрите на его портрет, — найдете ли в нем хоть одну неарийскую черту. Смотрите на портреты его жены и детей, — есть ли в них хоть капля славянской и галльской крови?

В настоящее время Вильгельм фон-Кляпс является попечителем благотворительного комитета по снабжению концентрационных лагерей нашего округа молитвенниками, сосками и комплектами газеты «Фолькише Беобахтер». Клевета его конкурентов, что он снабжал лагерь поддержанной гороховой колбасой и веревками, да не коснется его высокого арийского чела.

Ариец, голосуй за Вильгельма фон-Кляпса, если тебе дорог твой покой, безопасность твоего семейства и ежемесячное жалование!

Явка на выборы обязательна. Конвоиры для избирателей выделяются из ближайших штурмовых отрядов. Оплата конвоей производится из сумм, выделенных на помощь безработным.

Голосуйте, господа и дамы!

Голосуйте за Вильгельма фон-Кляпса, товарищи по нации!

МАТРАЦ

(Рассказ потерпевшей)

Нет. Это уж грех сказать. Матрац по своей воле выбрали. Насилия тут никакого не было. Заведующий так и сказал:

— Хотите, берите, хотите, нет. У нас, — говорит, — в универсаме матрацы — однопородистые. По частному капризу не делают. Цена 65 рублей. — А уступить, — говорю, — нельзя? Нам только двум человекам спать. Ну, может, когда с ребенком.

— Цена, — говорит, — для всех твердая. Мы в частную жизнь не вмешиваемся.

Тут муж:

— Цена, как цена; вопрос, какое утро? Вот зять: неделю проспал, а потом: повернулся—ох!—глядит, а у него назади прокол; хорошо он по работе токарь, — ему садиться не требуется.

— Как кто себя поведет, — заведующий говорит, — любую вещь раздражить можно.

Зять-то, он, правду сказать, — шальной. А мы люди тихие.

— Ну как, — говорю, — берем?.. Вот только боюсь, низ у него редкий. Чтоб просыпу из него не было. Трухи.

— Без просыпу только буржуи спят, а наш матрац для трудящихся.

Заведующий такой строгий.

— Да ладно, — говорит муж, — берем.

И этак по матрацу — рукой.

— Что это, больно пыль?

Я тоже, — дай я похлопаю: думаю — вещь моя.

А он:

— Нет уж вы, граждане, осторожнее. Здесь кругом живые люди стоят.. Видите, что написано? — Написано: «Не курить».

— Ну вот: что дым, что пыль. Вам намек дан, а об остальном вы сами догадывайтесь. Вы тоже, муж, на людях свою супругу хлопать не станете.

Мой муж — человек стеснительный. Другой бы не пропустил, а он:

— Где, — говорит, — у вас касса?

И заплатил. Да..

Мы сами-то загородные. Тарасовские.

Разгрузили мы это матрац из вагона; глядим: вроде как он с лица спал. С дороги.

А сторож и говорит:

— За такие матрацы надо, как за скотину, брать. Того за илой не вынесешь.

А нам его еще домой на тележке везти. Я говорила: низ редкий.

— Да ладно, — говорят муж, — на нас останется.

Он у меня не скупой.

— Если бы его нам на вес продали, тогда еще верно — претензия. А то — штукой. Пусть с него пыль сойдет: в деле почище будет.

Наша дача — вторая от поселкового совета.

Внесли мы его, матрац, в дом... Кровать... Кладем на кровать, как покойника: чтобы душу не растревожить. Но, верно: матрац хорош — как по мерке.

Только хотела я простыней покрыть — хлоп!! Ребенок у меня — девочка пяти лет — обрадовалась и прямо в матрац... Как взрыв!

Ни девочки ни кровати!

— Танюшка, — кричу, — ау!.. Танюшка, ау!.. Наощупь — тут, а так ничего не видно.

Схватили ее, вынесли... Отмыли ребенка.

Уж о себе-то заботы нет. Накашляла, наплевались, а главное, что ребенок жив.

— Ну, ничего, — говорю, — простыни у нас плотные.

Подмела это я, покрыла. Вроде как все хорошо.

Ребенок у нас, тот отдельно спит. Вот так — наша кровать, вот так, наперекосок, в ногах — он. Легли.

Муж наперед лег, тихо. Ноги я сама ему занесла, чтобы матраца зря не трусить. Опустила.

Так облачко небольшое из-под ног выкинуло, вроде тумана: ребенка через него видно.

Вот, — думаю, — засну хорошо: день очень тяжкий. Да и на матраце-то, надо сказать, вольготно: очень мы с диваном намаялись.

И муж, вижу, повеселел. То бы ему — заснуть, а он, это, — про то, про се..

— Ты, — говорит, — засни, а я не спокуюсь, пока про льдину не прочитаю.

Только он послуныявил листочек перевернуть... — чих!

Раз чихнул, два чихнул и расстроился.

Другой видит — новая вещь — уступи. А он назло: листает и листает. А матрац: его-то уж не от книги, а что чихают, задор берет.

В третьем часу ка-ак шваркнет книгой об стену:

— Вот, — говорит, — проклятый матрац. Пяти страниц не прочел.

Перевернулся вот этак на спину, еще фонтан к потолку выпустил и замер. Ровно покойник.

Спасибо, на другой день выходной был.

Утром вскочила: Танюшки нет!.. Гляжу под кровать, а она там: из песка пирожки делает. За ночь просыпалось. Прибрала, пока муж не встал.

А он, как поднялся, ни слова и — в огород.

С вечера завалился в стих.

Ну, — думаю, — уgomонился. Понял, что вещи надо срок дать, выстояться.

На третий день встал, ткнул пальцем под кровать и говорит:

— На этом, — говорит, — матраце только монахам спать.

А он у меня — безбожник.

— Или ты его, — говорит, — враз палкой выколоти или обшей. Но только я больше заносов поперек своего чтения терпеть не буду.

А как его выколотишь?.. Он весь матрац сразу в горбы пойдет. Как с диваном: «Я тебе, — кричит, — не мальчик по ночам на верблюдах ездить».

Да и ребенка поглядеть, жаль. Сидит дендешней под кроватью и по трухе пальчиками выводит: «а-а», «ба-ба». Ни крика ни шума. Все-таки, вижу, матрац девочке много даст... Да..

— Поеду, — говорю, — завтра к заведующему. Поехала.

— Вы, — говорю, — меня не узнаете? Я с мужем у вас матрац брала.

— Возможно, — говорит. — А еще других примет у вас нет?

— Есть, — говорю. — Только они при матраце остались. Труха из него валит, — прямо сыпняк.

— Сыпняк? Тогда вам, — говорит, — не сюда. Вам в клинику его вести надо.

Взяло тут меня сердце.

— Да вы-то сами, — говорю, — товарищ заведующий, как на матрацах спите?

— Я? Я, — говорит, — чаще — вдоль. А если подробно знать, то лучше всего самоучитель купите. Во-он, — говорит, — магазин Госиздата.

— Ну, — вижу, — одна отсюда прямая дорога: в консультацию.

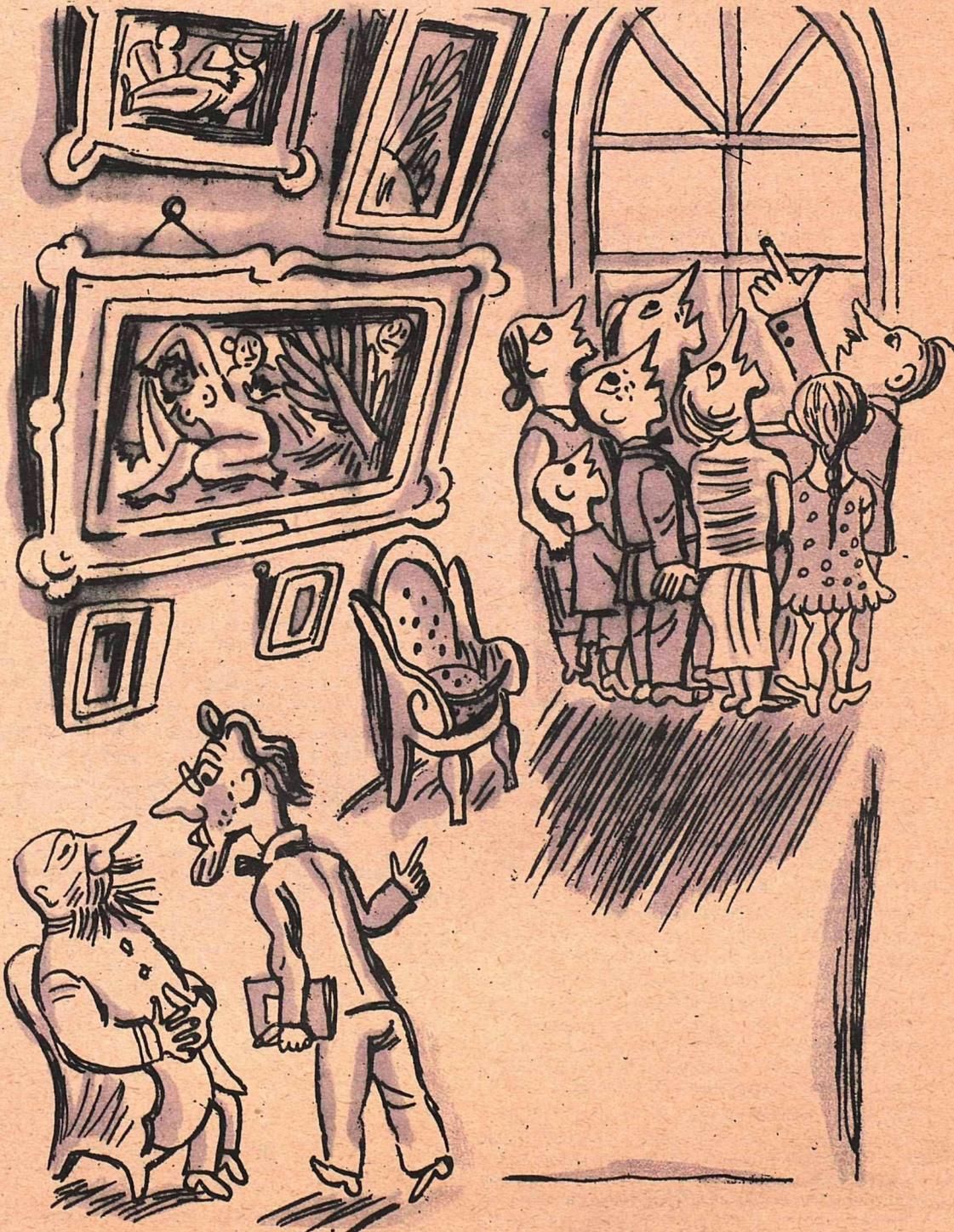
Посоветовалась с людьми, и муж так сказал:

— Езжай, — говорит, — спроси только, чтобы защитника тебе дали какого показистее. С ухваткой. Скажи: советская, мол, семья от матраца дома разваливается.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

СЕЗОННЫЕ МОТИВЫ

Рис. Б. Малаховского

— Странно... Почему это экскурсанты вместо того, чтобы картины рассматривать, у окна толпятся?

— На замаску любуются. Это ведь тоже музейная редкость!

Маламыга уселся бесповоротно. И редактор окончательно пал духом.

— Какого работника теряем, — прошептал он побелевшими губами и схватился за голову. — Не было и не будет никогда в нашей редакции такого блестящего и наиганного публициста, как Маламыга.

Сквозь открытую дверь виден был Маламыга в аккуратном пиджаке, сидевший за большим письменным столом. Стол был завален горами негленных произведений человеческой мысли. Сочинения Дидро и Рахило, Бюхнера и Кай Юлия Цезаря, история Египта и учебник высшей математики для инженеров, Фарадей и Ефремин.

Иеремия Павлович Маламыга встал и закрыл дверь:

— Пожалуйста, — сказал он, — не мешайте мне. До отъезда осталось почти сутки, и если вы мне не будете мешать, я за это время постараюсь для вас написать три-четыре подвальных статьи. А то и все пять...

В ответ редактор посмотрел на Маламыгу с немым обожанием.

Поздно ночью, когда номер газеты был спущен на машины, редакционные работники собрались на прощальную вечеринку. Маламыга, разомлевший от многочисленных извещений любви и почтения, передал редактору под гром аплодисментов пять совершенно готовых к печати подвальных статей.

После того как улеглась буря восторгов по поводу феноменальной работоспособности и начитанности отъезжающего, Маламыга произнес небольшую речь.

— Товарищи, — воскликнул он, — вы все мне очень нравитесь. Я уезжаю по необходимости и крайне об этом сожалею. Но, товарищи, не унывайте. На смену старшим, в борьбе уставшим, молодая рать идет. И я уезжаю, оставив после себя подготовленные и выросшие кадры. Все вы знаете, товарищи, Васю Галкина. Он довольно грамотный парень, но пишет еще не важно. Теперь, после моего отъезда, он будет писать значительно лучше. Я передал ему кой-какие секреты нашего трудного ремесла. Правда, Вася?

Галкин смущенно покраснел, и все оживленно зааплодировали Маламыге. А потом под общее одобрение Маламыга целовался с редактором, с Васей Галкиным, с секретарем редакции. И уехал.

Прошло несколько дней, и Васю Галкина нельзя было узнать. Он молниеносно посolidнел. В голосе его появилась, этакая седина. И как-то незаметно получилось, что Васю Галкина начали в редакции величать Василем Федотычем.

Василий Федотыч ежедневно приносил пышущие эрудицией статьи. На самые разнообразные темы. Со ссылкой на мириады источников. По разносторонности тематики и использованных источников, равно как и по несколько парадоксальной неожиданности манеры изложения, его статьи несколько не отличались от классических произведений Маламыги.

И точно так же, как и Маламыга, Вася стал божком редакции. Единственный из сотрудников, он получил собственный кабинет. Чай и бутербро-

ды престарелая редакционная курьерша Матреша приносила ему в любой момент и в неограниченном количестве. Никто не смел выбросить ни строчки из его статей. А когда на ежедневной критике номера кто-либо и находил тот или иной дефект в статье уважаемого товарища Галкина, то заявлялось об этом с такой почитательностью, с какой частнопрактикующий дантист рвет зубы у заведующего райфинотделом.

Редактор, хранивший обыкновенно на редакционных совещаниях благосклонное молчание, открывал рот только для того, чтобы поговорить о Василии Федотыче, и тогда из его рта валялись густые клубы благовоинного финиама.

— Вот истинный пример того, как журналист должен повышать свою квалификацию и теоретическую подготовку, — воскликнул он как-то после детального разбора последней Васькиной статьи. — Человек еще недавно еле-еле писал маленькие плахонькие заметочки, а теперь... Орел, а не журналист! И какую бездну литературы осваивает! Для одной сегодняшней статьи человек использовал и высшую математику, и стихи Хераскова, и географические труды Элизе Реклю...

— Вот интересно, — продолжал редактор, обращаясь к сидевшему тут же редактору стеной газеты Глазкову, — интересно, почему вы до сих пор не посвятили в своей стенгазете хотя бы одну колонку Василию Федотычу? Пусть молодежь с него берет пример.

— Мы сами собирались поместить статейку о нем, — виновато ответил Глазков, — даже фотографию приготовили. В следующем номере обязательно дадим подробный материал о Василь Федотыче. Ты даже собираемся выдвинуть предложение, чтобы товарищу Галкину дали звание почетного и ведущего ударника нашей редакции...

Все шумно одобрили мысль Глазкова, и редактор продолжал свою похвалу Галкину.

— Василий Федотыч, милый, а чем дело? — прервал вдруг свою речь редактор, бросив оторопелый взгляд на героя дня.

Случилось нечто совершенно неожиданное и невероятное. Вася Галкин смертельно побледнел, зашатался и вдруг бухнул на колени.

— Простите меня, — закричал он истощенным голосом, — простите меня за нахальный мой обман! Недостоин я вашей любви! Поддался я Маламыге на удочку. Польстился на легкую славу. Никакой я не публицист! Жулик я! Пусть меня немедленно карает суровая пролетарская деспотия за мое арапство!

— Да в чем дело? — простонал окончательно ошалевший редактор.

— Никакого у меня теоретического багажа нет, — покаянно орал Вася, продолжая стоять на коленях, — и насколько я своей квалификации не повышал! Честное слово!

Заметив недоверчивые взгляды присутствующих, он быстро вскочил на ноги.

— Что, — прохрипел он редактору, — не верите? А хотите я вам тут же в присутствии всех такую статейку с эрудицией напишу, что вы только ахнете? На какую тему прикажете писать?

Об электроутюгах? О патефонных пластинках? Пожалуйста.

Он схватил с полки первую попавшуюся книгу, оказавшуюся гегелевской «Наукой логики», раскрыл ее на первой попавшейся странице и ткнул пальцем наугад.

— Только скажите, пожалуйста, кто такой был Гегель? Немецкий философ-идеалист? Спасибо! Пишите, — обратился он к секретарше редактора. — Пишите.

«Еще великий немецкий философ-идеалист Георг Вильгельм Фридрих Гегель сказал в своей гениальной «Науке логики»: «Эта направленная во-вне деятельность есть единичность, тождественная в субъективной цели с особенностью, которая вмещает в себе, на ряду с содержанием, так же и внешнюю объективность». Это положение великого философа больше всего можно отнести к производству патефонных пластинок, где существуют «субъективные цели», попросту говоря «блат», и где ссылки на «внешнюю объективность», т.е. на любимые нашими бюрократами «объективные причины», заменяют собой налаженное производство пластинок».

— Теперь будьте добры, — обратился раскрасневшийся от волнения Вася к редактору, — возьмите, пожалуйста, с полочки любую книжку. Очень хорошо! Как она называется? «Жизнь животных» А. Брэм? Замечательно! Раскройте, пожалуйста, на любой странице и возьмите первую попавшуюся фразу. Брэм кто был по специальности? Естествоиспытатель? Прелестно!

— Пишите, — обратился он к секретарше: «Характерно, что сказал по этому поводу А. Брэм в своем бессмертном труде «Жизнь животных»: «Замечательно, что тумана и гермона различили только новейшие икhtiологи; в самом деле, последний ловился большими массами, чем тот, и конечно, его должны бы были заметить древние, наблюдавшие столь тщательно».

«Нужно ли говорить, насколько эти поистине пророческие слова гиганта естествознания бьют не в бровь, а прямо в глаз по обезличке, царящей до сих пор безраздельно на любом патефонном предприятии!»

— Теперь, — обратился Вася к раз'езному корреспонденту Богатыреву, — возьмите, пожалуйста, какую-нибудь книгу, ну, хотя бы с верхней полки. Как она называется? «Сочинения лорда Байрона»? Замечательно! Кстати, кто он такой? Ах, поэт? Английский поэт? Благодарю вас, товарищ Богатырев. Итак, продолжаем...

«Где причина продолжающегося преступного выпуска пластинок легкого жанра. Лучший ответ на этот вопрос даст современный английский твердолобый поэт лорд Байрон. Возьмите хотя бы его последнюю трагедию «Вернер или наследство»...

Через полчаса была готова статья с цитатами из тридцати двух источников. Секретарша прочитала ее вслух. Редактор плюнул, чертыхнулся и, скомкав Васькину статью, бросил ее в корзину. Потом с минуту подумал, опасливо оглянувшись вокруг, вытащил ее из корзины, разгладил и красным карандашом написал: «В набор, корпусом».

Л. ЛАГИН.

АРИЙСКИЙ РАЙ

Рис. М. Храпновского

- В этом городе нет ни одного безработного.
- Неужели все работают?
- Нет. Все население покинуло город.

НАРКОМСВЯЗЕВСКИЕ ТАЙНЫ

Нужно раз и навсегда, как это говорится, ударить по рукам информационные отделы наших газет.

Нельзя же так вводить в заблуждение доверчивого читателя!

Мы москвичи ходим по улицам советской столицы, наблюдаем за стройкой метро, ждем, когда откроются для пассажиров первые вокзалы подземной дороги, газеты ежедневно извещают нас о новых направлениях и линиях, а что на самом деле? А на самом деле никакого метро нет. Все выдумали газеты.

И только одни органы Наркомсвязи знают сенсационную тайну о метро.

Метро закрыто.

И чтобы не быть голословным, приводим следующий сверх любопытнейший документ: недоставленную телеграмму из Анапы по адресу Метростроя (см. рисунок).

Как видит внимательный читатель, на документе-телеграмме ясно и четко обозначено насчет Метростроя:

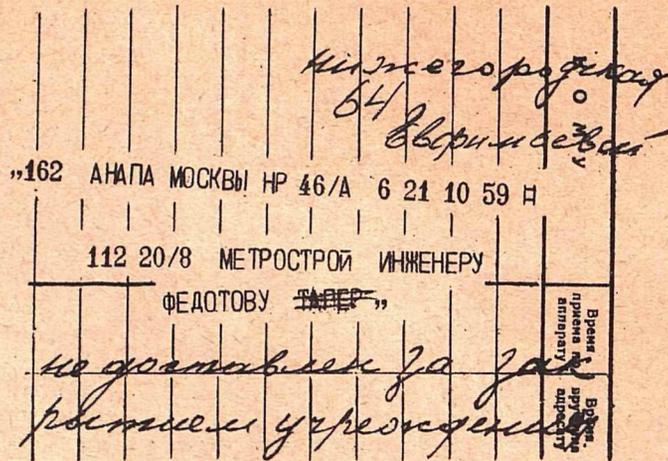
«Не доставлен за закрытием учреждения».

Более пессимистически настроенные люди, конечно, схватились бы за голову:

Среди белого дня пропал Метрострой.

Но мы за голову не хватаемся. Мы видим, что Метрострой существует, через короткий промежуток времени мы будем пользоваться подземной дорогой, но...

Но как же с московскими отделениями Наркомсвязи? Дойдет ли до них это радостное для москвичей событие и не нужно ли какое-либо специальное издание для московских работников связи, информирующее их о жизни столицы?

Ведь издаем же мы книги для слепых. Почему бы часть этой литературы не уделить для нужд работников Наркомсвязи?

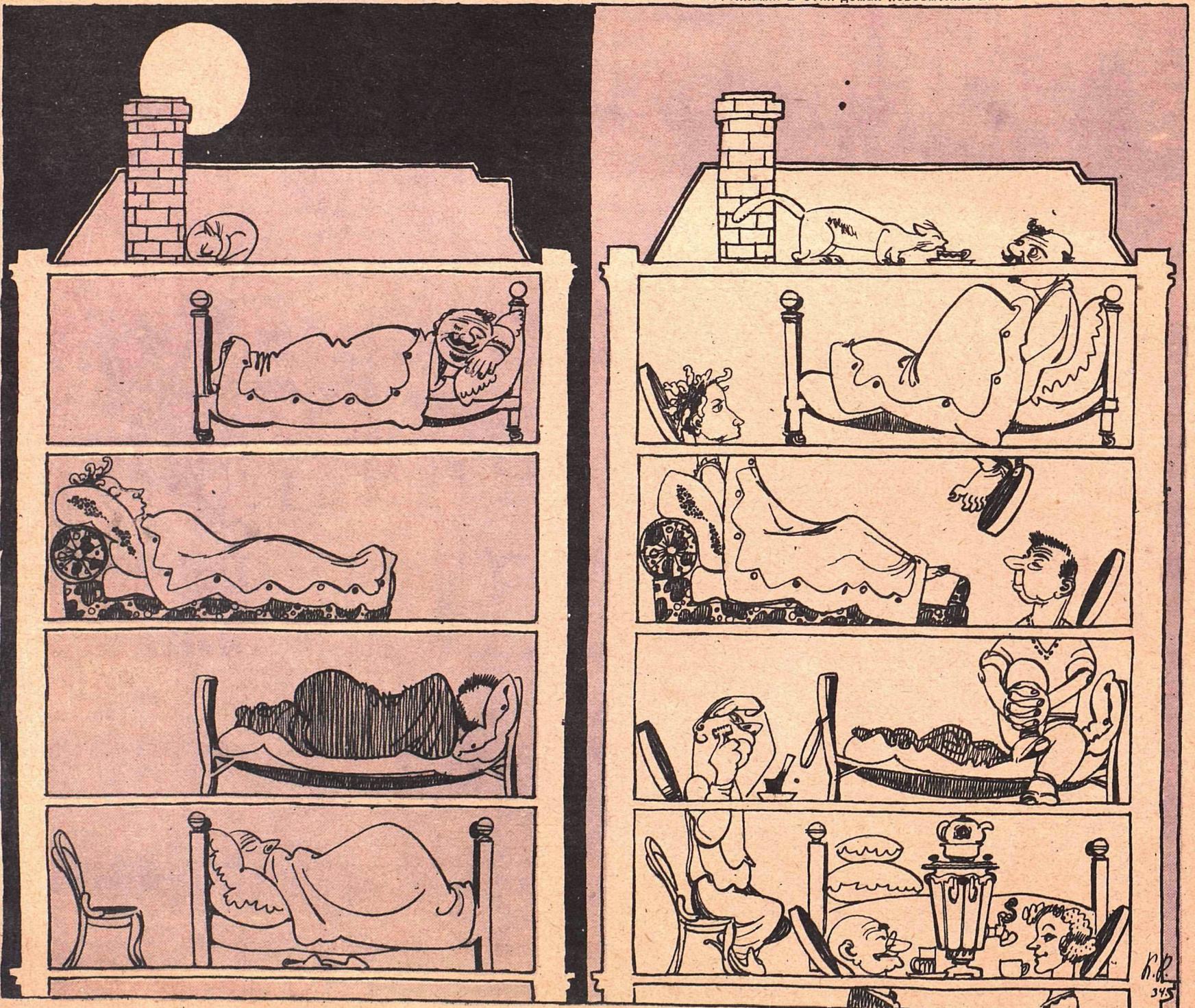
Может быть, хоть тогда прекратятся резолюции на телеграммах о «закрытии учреждения». Или и этого мало?

Пусть подумают сами. Мы всегда к их услугам в смысле опубликования каких бы то ни было спасительных решений. Мы всегда за юмор. Особенно вытекающий из фактического материала.

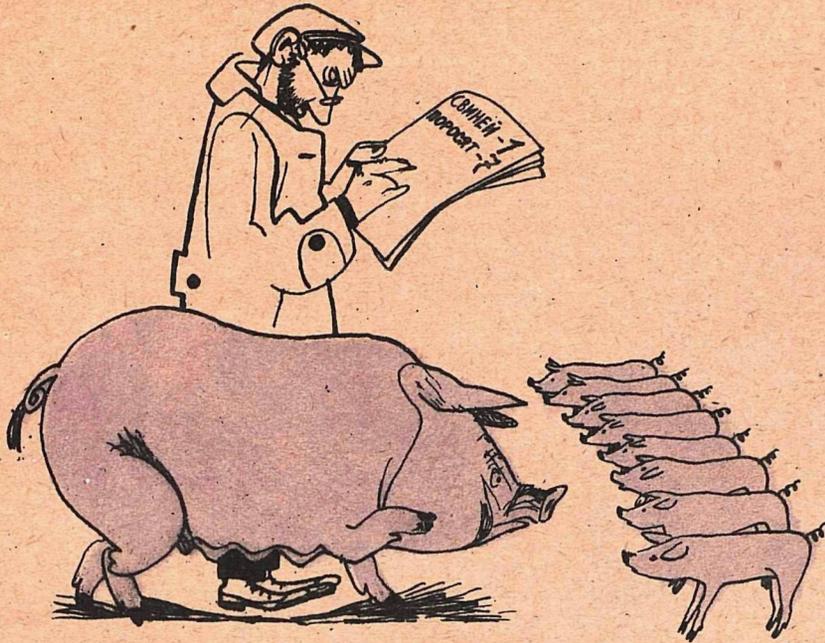
„ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ-АРХИТЕКТОРЫ“

Рис. К. Ротова

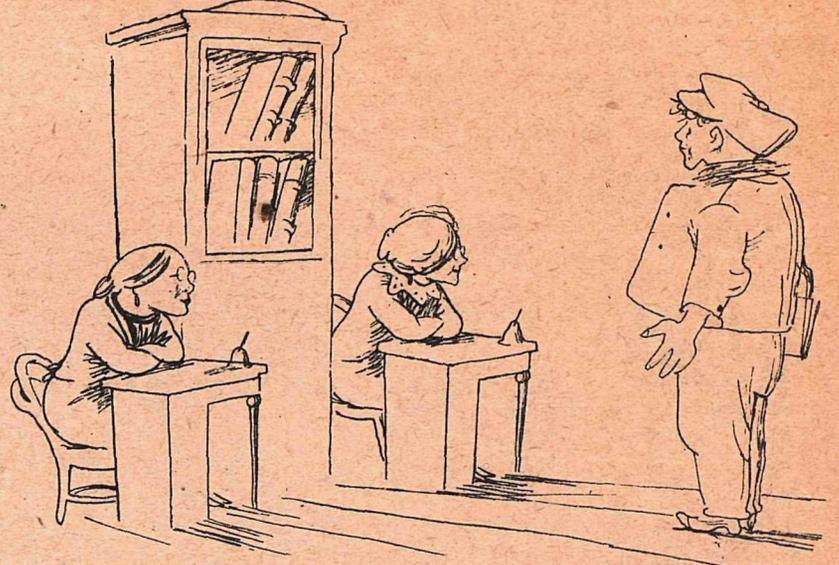
В Ташкенте в рабочем поселке построены к зиме дома с крайне низкими потолками. В этих домах невозможно жить.

Единственный мыслимый выход из положения (не считая отдачи под суд строителей).

СВИНЬЯ: — Неужели я ошиблась? Дайте-ка, детки, я вас сама пересчитаю...

— Что ж это у вас в библиотеке всего пяток книг, а дежурных — двое?

— А как же иначе: я уйду, — у нее книжку уташат, она уйдет, — у меня книжку сопрут... А вдвоем спокойнее...

СОЛОВЕЙ СЛАБЫХ ТОКОВ

— Алло! 4—15—72. Петька, ты?
 — Алло! Куда вы звоните?
 — Это 4—15—72?
 — Нет, 4—16—72. Это частная квартира.
 — Простите, пожалуйста. Ошибся.
 Костя Андреев положил трубку. «Какой приятный голос! — подумал он. — Певица, небось, какая-нибудь, а может, просто так приятный. Хорошенькая, небось... Да-а». Он взял трубку снова.
 — 4—15—72. Или вот что: 4—16—72. Да, да, не 15, а 16.
 — Алло! — отозвался уже знакомый голос.
 — Можно Петра Алексеевича? — пропел в телефонную трубку задумчивым грудным голосом Костя.
 — Товарищ, вы снова не туда попали. Здесь нет ни Пети ни Петра Алексеевича. Это номер 4—16—72. Вот видите, какой вы нехороший, не дадите мне заниматься.
 — Пожалуйста, простите, я вовсе не хотел вам помешать. Я сам дозвониться никак не могу к приятелю. И нам заниматься дозарезу нужно, зачеты на носу.
 — Сочувствую от души. Вам что сдавать?
 — Сопротивление материалов и термодинамику.
 — А мне историю музыки и теорию контрапункта.
 — Ой, бедняк, сочувствую всячески. Больше звонить не буду.
 — Не-ет. Вы звоните, только не сейчас, — после 15-го. Я тогда дам зачеты и не буду огрызаться по телефону, как ведьма. Позвоните? Спросите Зою. Ни к чему вам фамилия, обойдетесь и так. До свидания.

Он позвонил после 15-го.
 — Это история музыки? Говорит сопротивление материалов. Здравствуйте, Зоя.
 — Здравствуйте. А я уж не думала, что вы позвоните. Сдали зачеты? Кстати, как мне вас называть? Константин? Подумаешь, как важно. Нет, уж лучше Костя. А то еще по отчеству заставите... А может, вы старый хрыч, никакой не вузвец, просто смеетесь надо мной...
 — Честное слово, вузвец. Хотите — по телефону могу зачет сдать, да и, вообще, что это мы все по телефону да по телефону? Хорошо бы встретиться, Зончка?
 — Стоп! Не торопитесь. Уж больно вы прыткий малый. Я вас и вовсе не знаю, зачем мне с вами встречаться? А вы уж размечтались... И потом — так как-то лучше. Мне вот кажется, что вы интересный и умный и фигура у вас, как у спортсмена, а может, все это вовсе не так, к чему мне разочаровываться? Да и вы тоже, вероятно, обо мне лучше думаете, чем я заслуживаю, а поглядите, скажете: «Ну и рожал», и знакомству конец. Нет, давайте по телефону разговаривать. Так лучше.

Два месяца длилось это необычайное знакомство, потом оно стало похожим на дружбу, потом Костя начал звонить каждый день, а Зоя прибегала домой из консерватории и дрожащим голо-

сом спрашивала, звонил ли кто-нибудь. Если он еще не звонил, ждала звонка с нетерпением, чувствуя, что не может ни читать ни заниматься, пока не услышит знакомый голос, который звучит приятнее, чем все фуги Баха и ноктюрны Шопена. Это была уже не дружба. Это была любовь. Да, да, не смейтесь.

Любовь должна начинаться по правилам в аллеях Парка культуры и отдыха или во время лодочной прогулки на реке, а тут против всяких правил соловьиную трель заменил телефонный звонок. И все же это была любовь.

— Костя, это вы? Я еле дождалась звонка. Какой же вы нехороший. Костя, я не могу так больше, я должна вас повидать. Я хочу видеть ваше лицо, мне все равно, пускай вы некрасивый, пусть не физкультурник, я больше так не могу...

— Зончка... Так я же давно... Так я хоть сейчас... Я тоже так больше не могу. Это какая-то пытка по телефону. Где ж мы встретимся?

— У меня неудобно. Знаете, что? В садике против Большого театра. Ровно в 6. Только не опаздывайте.

— Я-то? Да я уж лечу! А как я вас узнаю? Знаете, что? Приколите себе к жакетке белую гвоздику.

— Хорошо. А вы, Костя, держите в руках красный пион. Это немножко смешно и провинциально, но мне очень хочется увидеть вас с цветами в руках. Значит, решено? До скорой встречи!

В трамвае было тесно. В этот час, когда заканчивают работу учреждения и все торопятся домой, прогулка в трамвае — путешествие мало привлекательное. На остановках — давка, в вагоне отдавливают ноги, ругаются, и какая-нибудь старушка с деревянным чемоданчиком так и норовит заехать вам в бок, и потом все нервничают, а кондукторша, окончательно обалдев, не помнит, у кого она взяла деньги. Впрочем, что тут долго рассказывать! Классическая сцена трамвайной жизни тщательно описана многими художниками пера и прибавить к ней нечего.

Костя ехал на «А» до Трубной, а там втиснулся в 11-й номер. Это была попытка, граничащая с безумием. Все почему-то желали ехать в центр, и 11-й номер был увешан гирляндами живых тел, как на смешных картинках художника Ротова. Костя отчаянно толкался, хватал руками чужие рукава, воротники и, ухватившись за чей-то карман, оторвал его начисто. Пострадавшая пассажирка схватила повисший лоскут и, обернувшись к Косте, начала его разносить истеричным голосом:

— Что вы претесь, как сумасшедший? Вы же мне разорвали пальто!

— А вы не стойте, как чучело, продвигайтесь вперед, я тоже не желаю под трамвай попадать! — Но можно ведь осторожней лезть! Обрадовался — силы много, готов уж голову оторвать! Хамство какое!

— Ну, вы, полегче в выражениях! Я случайно это сделал, и нечего ругаться, как торговка на базаре.

— Идиот!

— Сама дура!
 — Кондуктор, высадите этого типа! Он пьян!
 — Кондуктор, не обращайтесь внимания. Она душевнобольная!

Костя рванулся вперед, продвинулся, спрашивая у впереди стоящих: «Сходите у театра? Тогда разрешите!» Вдогонку ему доносились вопли причитавшей пассажирки: «Негодяй! Грубиян! Хам!». Костя обернулся еще раз, на весь вагон обзвывая ее душой и, выбежав на площадку, прыгнул, не дожидаясь остановки. До площадки было рукой подать. Часы показывали ровно 6. Зоя, вероятно, уже ждала, а нужно было еще купить красный пион. Костя подбежал к цветочному ларьку.

— Один пион, красный, пожалуйста, скорей!

Он схватил цветок и помчался в садик. В садике ребята сидели в песке, а разомлевшие няньки сидели на скамейках, греясь на солнышке. Никакой девушки с белой гвоздикой не было. «Неужели посмеялась надо мной? — подумал Костя. — Нет, не может быть! Ведь сама же просила». Он сел на скамью и стал ждать. Проходили какие-то занятые люди, потом пробежала целая группа ребят и девушек, но никто не обращал на него внимания. Он посмотрел на часы: было 10 минут 7-го.

Внезапно Костя вскочил. Из-за клумбы показалась девушка в синем пальто и белом берете. Она оглядывалась по сторонам, как будто разыскивая кого-то. На груди у нее белел приколотый цветок.

— Зоя! — крикнул Костя.
 Девушка обернулась... На мгновение они оцепенели, потом, круто повернувшись, пошли в разные стороны. Костя сел на свою скамейку, девушка — по другую сторону аллеи. Они не смотрели друг на друга. Девушка сидела в полоборота. Костя ясно различал на правой стороне ее пальто оторванный карман. Он ругал себя последними словами: «Какая же я скотина! Ну, что теперь делать? Пойти извиниться перед ней? Да она со мной и разговаривать не станет! Подумать только, какая наглость — разорвал пальто и еще обругал ее! Хамство какое!»

Минут пять протекли в уничтожающей самокритике. Костя исподлобья глядел наискосок. Зоя грызла стебель гвоздики, не оборачиваясь. Потом как-то внезапно они посмотрели друг на друга, Зоя улыбнулась: очевидно, у Кости был очень смущенный вид, затем они быстро вскочили и пошли друг другу навстречу.

— Зонька! — сказал Костя, взяв ее за руки, а руки были теплые с мягкими ладонями. — Зонька, не сердись на меня, я действительно хам, зегадяй и идиот.

— А я дура. Просто истеричная дура.

— Нет, это я дурак. Дурак и хам.

— Нет, я.

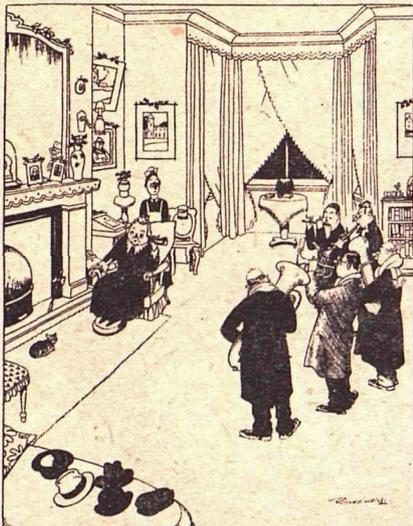
— Ну, не будем спорить...

Он взял ее об руку, и они пошли по аллее, смеясь и болтая.

Ибо, что ни говорит, а любовь в таких случаях сильнее, чем ненависть.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

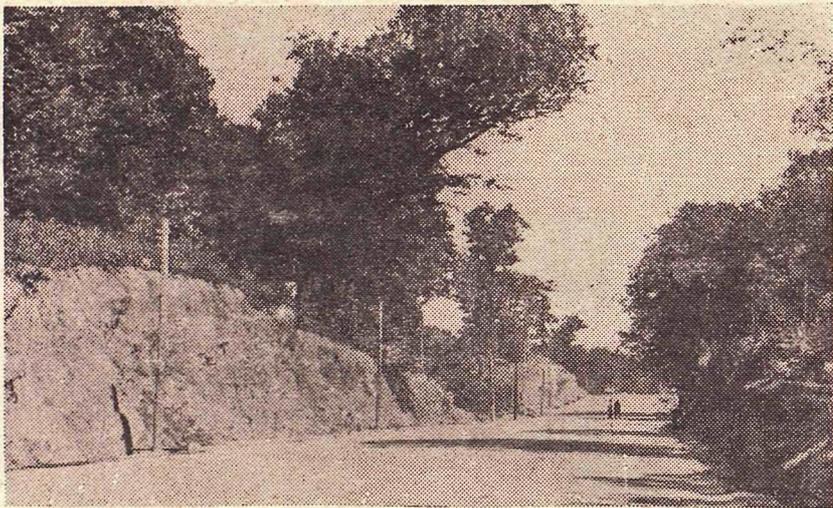
СОЛИСТЫ НА ДОМУ

Предлагаем вниманию читателей два любопытных документа на одну и ту же тему: рисунок из лондонского журнала «Пэнч» («Punch»), изображающий посещение музыкантами-солистами частной квартиры в Лондоне, и фотографию солистов радиокomiteта в гостях у лучших производствен-

ников — рабочих завода «Серп и молот» (в Москве). Оба документа просим считать введением к обстоятельной статье «Искусство у нас и у них», которая не могла быть помещена в очередном номере из-за недостатка места и не будет помещена в следующем номере.

УЧИТЕСЬ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ АВТОБУСАМИ

Шоссе Сочи—Магеста реконструируется. По такому шоссе приятно прокатиться на вместительных автомашинах Союзтранса.

Как пользоваться этими машинами? — спросят нас любознательные читатели. Удовлетворяя эту вполне законную пылливость, даем необходимые справки.

1. Больные и отдыхающие пользуются автотранспортом санаториев и домов отдыха.

2. Обыкновенные смертные имеют возможность любоваться из автомобиля красотами Черноморского побережья за плату по соответствующей таксе.

3. Необыкновенные смертные любят зрелищем, видом на море и прочими прелестями солнечного юга безвозмездно. Согласно разработанной Цудортрансом номенклатуре к необыкновенным смертным относятся:

1. Степанов — зам. нач. РУД московской милиции.

2. Степанова — его жена.

3. Королева — жена директора Авторемснаба.

4. Хведашридзе — упр. трестом совхозов Грузии.

5. Кобахидзе — начальник снабжения треста совхозов Грузии.

6. Куканова — жена начальника отдела сбыта Горьковского автозавода.

7. Данкман — директор ГОМЭЦ.

8. Бродерсон — артистка ГОМЭЦ.

9. Липовский — директор Союзтеплостроя.

10. Липовская — его жена.

11. Гукман — управ. Гормосторга.

12. Васикин — зам. нач. отдела снабжения Союзтеплостроя.

13. Биргер — начальник транспортной группы Союззаготхлопка.

14. Лобачев — зам. нач. городской ж.-д. станции в Москве.

Все означенные лица, а список их можно было бы продолжить, получили в Цудортрансе бесплатные литерные билеты по курортным линиям.

В целях передачи опыта широким массам мы ждем от всех получивших бесплатные билеты творческих отчетов об автопрогулках и поездках по крымско-кавказским трактам.

Надеемся, они не заставят себя долго ждать.

ДУЙ, ВАСЯ!

В Балеиском районе (Восточная Сибирь) произошло некое событие, тесно связанное с приездом туда поэтов А. Жарова и Джека Алтаузен. В официальном приказе оно излагается так:

Новую жилу в 3-м горизонте, пересеченную сегодня, 28 октября, свершлагом из жилы № 1-а, в честь приезда на Балею комсомольских поэтов тт. АЛЕКСАНДРА ЖАРОВА и ДЖЕКА АЛТАУЗЕНА называть жилой «ЖАРОВСКОЙ».

Директор «Балеёзолота» Мильчаков.

Немедленно вслед за этим приказом местная газета «Забой» организовала на своих страницах торжественный дебют гостей из Москвы.

Расторопные гости вышли на гостеприимные страницы и сразу распоясались. По принципу горбуновского купчика:

— Дуй, Вася! Все равно от дома далеко, никто не увидит!

Первым стал дуть безжильный Джек Алтаузен. С развязностью конференсье этот безусый энтузиаст посвятил торжественному событию следующий нерукотворный и жуткий памятник:

ЗОЛОТАЯ ЖИЛА

Мне Жаров друг, и без слов
Скажу я мнение свое:
Открыли жилу на Балее,

Назвали Жаровской ее.
Пусть будет путь ее чудесен,
Пусть она живет года,
Как жаровская жила песен,
Не иссякая никогда.

— Позвольте, — осторожно осведомились скромные балеиские читатели, — как же это можно так: сказать мнение без слов. Может, это и красиво, но очень неграмотно.

— А мы еще и не так можем, — лихо подмигивает Алтаузен из другого стихотворения и пишет:

Пусть гниет капуста много, —
Будет вам ответ таков:
Вот вам повар Желтоногов, а (!)
Зав. столовой Щербаков,

И не дав читателям опомниться после таких опусов, некий поэт под прозрачным псевдонимом А. Ж. помещает рядом такой шедевр:

Подгорбунский пляшет русскую,
В песнях тоже он знаток.
Три яйца БЕРЕТ ЗАКУСКОЙ (!)
За продснабовский платок.

— Позвольте, товарищ А. Ж., — еще раз испуганно вздохнули читатели, — как это «брать закускую»? Это что же: по-среднеавстралийски или по-южномадагаскарски?

— А нам разбираться некогда, — с улыбкой отвечает А. Ж. — Мы — приезжие... А желаете, я вам куплетик напишу?

— Какой?

— А вот, как эстрадики в Елабуге поют:

Все толкаются на тротуаре
И бегут за трамваем бегом.
А вот Пушкин стоит на бульваре
И мечтает совсем о другом.

— Валайте, А. Ж.!

И А. Ж. наваял куплетик с гражданской скорбью на балеиские темы:

Хорошо, что во многих квартирах
У рабочих тепло и светло,
Но я видел свободну землянок
И, признаться, вздохнул тяжело.

Что написали еще в «Забое» А. Жаров, Джек Алтаузен и некие Жаржауз и Алтжарус, мы передавать не будем. Достаточно и этого. Во всяком случае вполне достаточно для того, чтобы твердо сказать Алтаузену и Жарову:

— Перестаньте халтурить, товарищи!.. И перестаньте думать, что на периферии можно вести себя по горбуновскому лозунгу: Дуй, Вася! От дома далеко, никто не увидит!

СПИЧКО-ФРУКТЫ

Врач лечит. Портной шьет. Педагог учит. Каждый занят своим делом. Занят год, десять, двадцать. Старится и пожиная лавры героя труда.

Но иногда человеку наскучит годами заниматься одним и тем же делом, и тогда...

Есть такая организация — Узбеккоопплодоовощь. Спросите любого пионера, чем занимается это учреждение и он, не задумываясь, выпалит: «Конечно плодами и овощами».

На этот раз, увы, пионер ошибется: он просто-напросто не учтет того, что Узбеккоопплодоовощи порядком осточертели всякие плоды и овощи.

Не так давно Узбекистан праздновал свое десятилетие. Именно к этому знаменательному событию и приурочила Узбеккоопплодоовощь свой переход на новые рельсы.

В результате наш внутренний рынок обогатился плохими спичками со следующей этикеткой:

Спички превратить в фрукты. До этого не думалось и сам Мичурин.

Завтра, чего доброго, поступят в продажу соски Фанертреста, пудра Союзмолоко и зубные щетки Главтабака. Лиха беда — начало!..

ПРИЯТНОЕ СОБЫТИЕ

10 лет

Прочтя заглавие настоящей статьи, опытный крокодильский читатель улыбнется, усядется поудобнее и скажет:

— Воображаю... можно себе представить, чего тут наворочено, если они пишут «Приятное событие»!.. Вообще, знаете ли, эти сатирики! Наверное, либо какой-нибудь головотяп за-

числил кур в рогатый скот, либо где-нибудь *Кокина* заставляли принести восемь справок, что он не *Мокин*.

Читатель подымет журнал ближе к глазам и разинет рот.

С чувством живого удовлетворения, *Крокодил* отмечает как приятное событие десятилетний юбилей Московского театра сатиры.

— Нет, это серьезно? — воскликнет читатель и протрет глаза.

— Совершенно серьезно! — ответим мы и будем продолжать.

За 10 лет своей жизни Московский театр сатиры поставил 55 пьес и, как говорится, провернул 5.000.000 (прописью: пять миллионов) зрителей. Цифры хоть куда. Особенно, если учесть, что эти 5 миллионов относятся не к расстрате, не к утечке, усушке или недовыработке.

Московский театр сатиры 10 лет тому назад был в числе начинателей подлинного советского репертуара. Когда по сценам других храмов Мельпомены ходили в крайнем случае герои переводных военных пьес, а то все больше древние греки и феодалы, у маленькой рампы, в Гнездиновском переулке, толпились люди современного обличья, откликаясь на нашу злобу дня.

Мы знаем случай, когда после премьеры какого-нибудь спектакля в МТС, как после выхода советской газеты или журнала, к которому при встрече говорили:

— Как же, видали, видали, как вас изобразили в Театре сатиры!

Поэтому, мы поздравляем с десятилетием главный театр и всех его работников — его режиссеров и руководителей, от первого из них, открывшего МТС в 1921 году Д. Г. Гутмана, до нынешнего — Н. М. Горчакова, поздравляем его завлитов от первого в 1924 году В. Я. Типота, до теперешнего Г. Е. Рыклина, и его актеров как состоящих ныне в труппе, так и работавших раньше: П. Н. Поля, Д. Л. Кара-Дмитриева, Е. Я. Милютину, Н. А. Нурм, Е. А. Хованскую, Е. А. Соловьеву, С. П. Близиновскую, М. К. Яроцкую, сестер Зеленых, братьев Зениных, Я. М. Волкова, Р. М. Корфа, Я. М. Рудина, Р. М. Холодова, И. В. Стравинского, С. И. Слетова, С. И. Антимонина, Ф. И. Гилярова, Н. Г. Китаева, Б. Я. Петкера, О. А. Шахета, художника М. М. Беспалова, композитора Дунаевского, дирижера Я. Чернявского и многих других.

Еще поздравляем мы авторов многих пьес, шедших в этом театре, и не перечисляем их имен главным образом потому, что *Крокодил* скромно и без крайней надобности не любит упоминать имен своих сотрудников.

Итак, дорогой МТС, прими привет от *Крокодила* и в поход за следующими пятью миллионами зрителей. Второе десятилетие начато!

5.000.000
ЗРИТЕЛЕЙ

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

У нас выборы в советы ознаменовались тем, что председатель рудсовета тов. Рыков официально приказал: «На время перевыборов райсовета прекратить всякого рода записи и регистрацию по загсу».

Поверишь ли, дорогой Крокодил, жители поселка Ветка в течение 1½ месяцев не могут в загсе произвести записи ни о браке, ни об умерших, ни о новорожденных.

Скажи, кто сжалится над невинными младенцами? Покойникам все равно, они могут и молча подождать, — спешить им некуда, а ведь младенцы плачут: они же совсем маленькие, приказа Рыкова не понимают.

Впрочем, в этом приказе и взрослому трудно отыскать здравый смысл.

ВОЛГИН.

Донбасс, Ветка

Дорогой Крокодил!

Я согласна со всеми, кто восхваляет целебные действия курорта Сочи — Мацеста, но только с одной оговоркой. У этого богатого и красивого курорта есть один крупный недостаток. Недостаток этот называется Бабкин.

Пребывание в Сочи длится в среднем месяцу. Но уже через две недели больные и

отдыхающие «Кавказской Ривьеры» должны нанести первый визит Бабкину. Надо прийти в семь часов утра и стать в очередь на предварительную запись на железнодорожный билет. Промучавшись двенадцать часов, вы получаете от Бабкина квитанцию с уверениями и клятвами, что билетом обеспечены.

Чем ближе роковой день, тем тревожнее настроение.

Шесть часов вечера. Напряжение достигает предела. Больные, размахивая руками, красные и потные, умоляют, кричат, ругаются, просят, а посреди сидит невозмутимый Бабкин и «комбинирует». У его стола уже кружатся какие-то «особо» больные, с какими-то записками каких-то врачей... Особенно высоко у Бабкина котируются записки с подписью «Глыбик». Обладатели записок не получают отказа. Глыбик и Бабкин «работают» вместе. Рука руку моет.

На ваших глазах исчезает первый корешок от билета. Билет цел, а корешка нет. Вот только что был тут, лежал на столе, никто его не брал, а вот нет! Даже самые нервные на минуту замирают от такого сверхблата.

Поздно вечером, усталые, измученные, вы рады, что добились хоть какого-то билета. Уже не важно: нижнее или верхнее,

в мягком или жестком, московском или ленинградском. Билет в руках. Место есть.

Сочи. Вокзал. У ног — туго стянутый чемодан и ящик с грушами. В руках магнolia. Тут-то и всаживает вам невозмутимый Бабкин последний нож в спину. Места у вас нет. В вагон вас не пускают. На вашей полке сидит и уже тихо закусывает другой курортник. Два билета на одно место. Руки бессильно падают. С лица медленно сходит загар...

Сейчас готовится реконструкция Сочи — Мацесты. Я уверена, что при реконструкции Бабкин будет полностью изжит.

Н. ПРОКОФЬЕВА.

Москва.

Дорогой Крокодил!

Наша политотдельская газета «За большевистские колхозы» подняла на своих страницах очень важный вопрос — о грамотности. Газета выпустила специальную школьную страничку и поместила в ней правильную заметку под названием: «Русский язык на положении беспризорного». И тут же, на этой страничке, в передовой статье вместо «активист» напечатано «октивист», и имеется такая вопиюще безграмотная фраза: «Главной причиной низкого качества работы школ есть результат безответственного отношения некоторых учителей к своим обязанностям». В этой же самой газете какой-то кровожадный фельетонист написал маловразумительный фельетон под мрачным заглавием: «Выбить три зуба — такова задача».

Мне как постоянному читателю нашей политотдельской газеты кажется, что основной задачей для ее работников является срочное повышение своей грамотности, ибо не только в некоторых школах района, но и в самой газете «За большевистские колхозы» «русский язык на положении беспризорного».

В. КАРПОВОЙ.

Село Чернышевка, Саратовский край.

Дорогой Крокодил!

Председатель Дрязгинского сельсовета комсомолец Мязнин опубликовал недавно в органе Воронежского оргбюро ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунар» обязательства, которые он берет на себя, вступая в соревнование с комсомольцами — председателями сельсоветов Украины на лучшую подготовку и проведение выборов в советы.

Все обязательства, которые Мязнин взял на себя, вполне приемлемы, и если он все их выполнит, то честь ему и слава.

И вот, распалившись от восторга, газета поместила обязательства Мязнина под оптимистической шапкой: «Не поддадимся украинцам!»

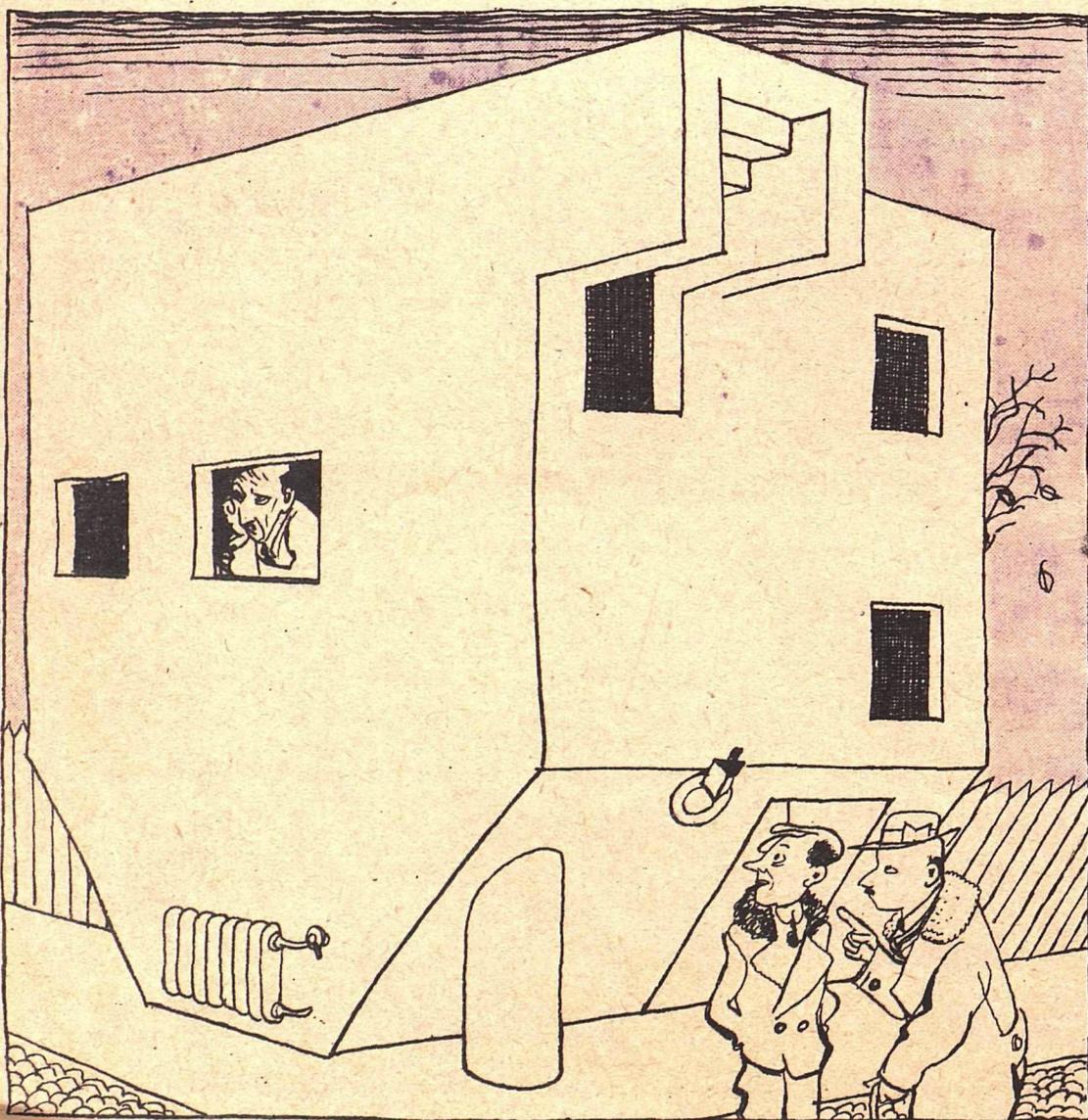
Неизвестно, сопровождалось ли составление этого заголовка мужественным звоном шпор и лязгом оружия. Скорее всего не сопровождалось. Но остатки великодержавных шовинистов, сохранившиеся еще в Воронежской области, раскрывают каждый новый номер «Молодого коммунара» с тайной надеждой, не порадует ли он их еще каким-нибудь антипартийным лозунгом.

Н. ПЕРЕКОВЧУК

Воронеж.

ЖУТКАЯ ПРЕМИЯ

Рис. Н. Ротова

— Почему этот архитектор такой печальный?
— Да его премировали квартирой в им же построенном доме!

НЕЛЬЗЯ ПОЗВОЛЯТЬ

Мы вправе требовать от прокуратуры не только бдительности, но еще и других качеств.

И в первую голову — грамотности. И юридической и общей.

После этого необходимого вступления в качестве показательного примера приводим следующее постановление, полученное нами из Ташкентского бюро жалоб.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1934 года, сентября 27 дня, я, нарследователь 156-го участка Беговатского района Пасичников, сего числа рассмотрев материал по делу бывшего прораба беговатской строительной конторы Агапова,

нашел: что Агапов, занимая должность прораба, разрешил себе присвоить государственные деньги в сумме, не установленной следствием, а взято с собой государственных денег в сумме 4 000 рублей.

И в настоящее время Агапов разрешил себе скрыться, после чего обнаружены в квартире Агапова некоторые вещи, принадлежащие Агапову, которые были из квартиры изъяты по акту и сданы на хранение в кладовую строительной конторы.

Хранящиеся вещи в кладовой могут понести государству убыток лишь потому, что вещи хранятся в мешке, и таковые уже точатся мышами, через суток 10—15 вещи все будут съедены мышами, а поэтому на основании вышеизложенного, руководствуясь тем, что мыши сделают вред вещам и никакой пользы государству от этого не будет,

постановил: означенные вещи продать с торгов и деньги, вырученные за вещи, представить мне, которые мною будут сданы на мой депозитный счет.

Нарследователь 156-го уч-ка Пасичников.

Утверждаю: прокурор 59-го участка (подпись)

Очень печально, что жулик Агапов «позволил себе» украсть деньги и скрыться.

Невесело и то, что нарследователь не по-русски пишет на русском языке.

Но как мог «позволить себе» прокурор подписывать столь неграмотное постановление?

Этого нельзя позволять. Ни себе ни другим.

НА МАСЛЯНОМ ФРОНТЕ

По словам Гейне, только одни греческие боги разговаривали так, что их выражения нельзя было толковать двусмысленно.

Теперь к греческим богам мы смело можем присоединить и управляющего актюбинской конторой Маслопрома т. Чичкамова, который в офи-

циальном приказе темирской конторе выражается так:

За подобные операции с вас следует спустить штаны.

Интересно бы знать мнение гр. Чичкамова и его ближайшего начальства, какую часть туалета следует спустить за подобные выражения в официальном приказе?

УПЛАТИЛИ—ВЫПИЛИ

Мы, конечно, на стороне тех, которые стоят за воздержание от алкоголя. На это у нас есть свои основания, и мы охотно пожалали бы руку как единомышленнику председателю Прокоповского сельсовета (Зап. Сибирь, Болотнинский район) тов. Камневу, если бы он изобрел несколько иные меры для пропаганды трезвости.

К сожалению, тов. Камнев остановился на системе несколько странной.

Имея всего 13% выполнения плана, упомянутый мужчина решил так:

— Кто уплатил налоги, — пей и закусывай, а кто не уплатил, — временно воздержись.

Для этой цели вино на вверенной

тов. Камневу территории продается только по пред'явлении таких записок из сельсовета:

Тов. Сериков. Отпустите гражданам вина Гавриловой В., Гаврилову Г., они деньги все уплатили.
26/Х Счетовод Лузина

Тов. Сериков. Отпустите Ширнину вина, так как они рассчитались с задолженностью.
26/Х Лузина

У Пушкина когда-то было приятно сказано:

«Отрок, дай большую чашу...»

Очевидно, поэт не знал, что может подойти тов. Камнев и сказать:

И, кстати, приложи удостоверение о погашении задолженности.

РАЗМАХ ГРАЖДАНИНА ТУТУКИНА

Мы не против раскаяния. Сотворил человек некое свинство, — пусть хоть покается. Но некоторые индивидуумы раскаиваются так, что лучше бы они уже скрыли от истории и современников обуревающие их чувства.

Гражданин Тутукин, взваливший на свои слабые плечи труд счетовода в Шелаболихинской МТС, Павловского района (Зап. Сибирь), раскался на-днях в такой, хотя и возвышенной, но достаточно пугающей форме:

Нач. политотдела Шелаболихинской МТС
От сотрудника ТУТУКИНА П. Е.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

В ночь на 8 ноября в дни пролетарского праздника мною не выдержана марка честного дежурства на посту, за что я себя клеймлю позором от имени дирекции и нач. состава МТС. За совершонное нарушение правил общественного порядка и бессознательное выражение неприятных слов, проявленное через телефонный аппарат, в противии всем данным мероприятиям объявляю подписку на заем в месячный оклад.

П. Тутукин.

Повидимому, пьянство доводит не только до нарушения дисциплины. Еще легче доводит оно до политической и стилистической безграмотности. А от этого никаким раскаянием не отделаешься.

ХРОНИКА ОТКРЫТИЙ

В ПЛИМУТЕ (Англия) открыта бес- платная столо- вая для снабжения безработных отходами из баранины за счет снижения заработной платы в соседнем округе.

В АМСТЕРДАМЕ (Голландия) открыт новый способ уничтожения куриных яиц при помощи простого булыжника. Путем несложного коканья яиц на оптовых складах легко достигается вздорожание оставшихся на рынке. Использованный булыжник не теряет своих ценных качеств и на разбитие стекол в дни национальных праздников.

В ШТУТГАРТЕ (Германия) местными астроно- мами открыта новая планета — спутник Си- риуса. Министерство пропаганды требует закрытия обоих спутников в виду их не- арийского происхождения.

В 1492 г. **ОТКРЫТА** Америка

В Рязани недавно **ОТКРЫТЫ** два новых клуба

В Москве **ОТКРЫТА** ПОДПИСКА НА ЕЖЕДЕКАДНЫЙ ЖУРНАЛ САТИРЫ И ЮМОРА

КРОКОДИЛ

Подписка принимается от коллективов, организаций, стран, материков, а также от отдельных граждан.

Особых разрешений для подписки не требуется.

При подписке можно пред'являть:

- 1) Справку от домоуправления о погашении задолженности за пользование коммунальными услугами.
- 2) Бывшую стандартную справку для бывших хлебных карточек.
- 3) Поясной или конный портрет подписчика.
- 4) Биографию, напечатанную в «Литературной газете» в отделе «Таланты и гиганты».

В случае отсутствия упомянутых документов достаточно адреса и уплаты указанной в условиях о подписке суммы.

А именно:

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА ЖУРНАЛ «КРОКОДИЛ»

На 1 мес. — 1 р. 20 к.,

на 3 мес. — 3 р. 60 к.,

на 6 мес. — 7 р. 20 к.,

на 12 мес. — 14 р. 40 к.

Подписка принимается всеми почтовыми отделениями, письмоносецами, сельписьмоносецами, сборщиками подписки на предприятиях и в учреждениях и издательствами политотдельских газет на транспорте.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, М. МАНУИЛЬСКИЙ, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Подписка принимается только почтой ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“.

Москва. Изд. № 1162 Сдача текста и рисунков 27/ХІ-34 г. Подпись к печати—7/ХІІ-34 г. Статформат А9—220×333. Печатных листов 3. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № В — 94844. 2-й филиал тип. газ. „Правда“ им. Сталина, Москва, Суевский вал, 49. Зак. № 821. Тираж 300.000

Оформление Л. Кублановского. Журнал набран и отпечатан в филиале типографии газ. „Правда“. Фотомеханик — П. Мягков. Репродукция под руководством Г. Жимеркина. Монтаж А. Федосеева. Заведующий печатн. отд. Дрожеников.

V

Рис. Л. Бродаты

— Недаром говорят, что в Вене лучшая канализация в мире. Мы, бездомные, живем здесь, как во дворце!..